

Heather Critchlow

UNSOLVED

Хизер Критчлоу

УБИТЫЕ
ДЕВУШКИ

ПРОЛОГ

Лейла, 1986

Лейла прижимается лицом к каштановой шерсти лошади. От нее исходит такое умиротворяющее тепло! Она такая мягкая, так нежно ласкает кожу! Руби, стремясь скорее оказаться на просторе, уже возбужденно подрагивает и переступает с ноги на ногу, нетерпеливо отбивая копытами по гравию нечеткую дробь. Почти прижатая к частоколу, Лейла толкает ее в бок, пытаясь отодвинуть подальше от изгороди. И ощущает затаенную энергию кобылы, которая пока сжата, как пружина, но способна в любой момент сорваться наружу. Вспыльчивая, готовая продемонстрировать норы любому, кто вздумает гнуть свою линию, Руби в прошлом даже покусывала наездников. Но Лейле понятна ее импульсивность. Бывают дни, когда ей тоже хочется всех покусать. Да что там покусать — разодрать на мелкие-мелкие кусочки. Только бы вырваться, выгрызть себе путь к свободе.

Подтянув подпругу, Лейла запрыгивает в седло — изящно, без усилий. Стивен много раз ей говорил,

что она выглядит на лошади настолько естественно, как будто родилась в седле. Правда, в последнее время к его восхищению примешивается что-то еще — то ли обида и негодование на то, как Лейла с ним обходится, то ли зависть из-за того, что есть одно место, где девушка ощущает себя счастливой и без него.

Лейле не приходится сжимать ногами бока лошади. Ей довольно взять поводья и подать кобыле мысленный сигнал: «Вперед!» Руби тотчас выбегает рысью со двора. А Лейла наслаждается ощущением ее силы и уверенности. Кажется, всего одно касание — и они обе взмоют в небо и обретут желанную свободу.

Но в этот момент из-за угла хлева появляется Джим с двумя охапками сена — по одной на каждом плече. Игривый ветерок отрывает от них мелкие пучки и разносит по сторонам.

Лейла так надеялась улизнуть с фермы до возвращения парня! Не вышло.

— Лейла, подожди! — выкрикивает Джим.

Его лицо снова темнеет от гнева. Джим сердится из-за того, что Лейла оставила его выгребать навоз из хлевов и скирдовать сено. Однако девушка уверена: он злится на нее не только из-за этого. Слова парня все еще звучат эхом в ее голове: «Ты динамщица, Лейла. Только дразнишь, но не даешь». Лейле вновь становится не по себе, внутри все сжимается, но она поворачивается в седле и машет Джиму, притворяясь, будто не расслышала оклика. Сегодня у нее нет времени на Джима. У нее ни на кого из них нет времени.

— Зараза, — сплевывает парень.

Но Руби набирает ход, и брошенное в сердцах слово догоняет Лейлу уже вялым и неразборчивым набором звуков.

На вершине тропы девушка останавливается — оглянуться на открывшийся вид. Руби рвется вперед, но всадница, натянув удила, удерживает нетерпеливую кобылу на месте. За двадцать один год, проведенный Лейлой среди этих холмов, пейзаж никогда не оставался статичным. Вот и сейчас глаза девушки различают за конюшнями тучи, несущиеся над лоскутным ландшафтом сельского Абердиншира, и пурпурный отсвет на горизонте: где-то вдалеке поливает дождь. Теперь, когда она на воле, Лейлу охватывает трепет при мысли о том, что ее ждет впереди.

Девушка обводит взглядом двор. И, удостоверившись, что за ней никто не наблюдает, направляет Руби к лесу, заставляя ее ускориться и перепрыгнуть через канаву и ограду с колючей проволокой. Когда лошадь взмывает в воздух в почти вертикальном подскоке, у Лейлы перехватывает дыхание. От опасности сердце на миг замирает. Но стоит Лейле скрыться от чужих глаз, и оно тоже пускается вскачь, подпрыгивая в бешеном ритме.

Они с Руби петляют между тесно растущими деревьями — по тропе, которая и на тропу-то не особо похожа: ею пользуются лишь они вдвоем. Дремучий, почти первозданный лес наполнен переливчатыми мхами — ярко-зелеными и мягкими там, где они покрывают толстым слоем камни и валуны. Ветви

усеяны лишайниками, как будто некая подземная река внезапно изверглась наружу и развесила на них свои водоросли. С деревьев каплет влага, воздух кажется живым. Такое впечатление, словно все здесь, сговорившись, толкает девушку вперед, стремится одурачить ее, сбить с толку. Или с верного пути? При этой мысли Лейла содрогается.

Но тут Руби фыркает и трясет головой, требуя отпустить натянутые поводья. И странное предчувствие покидает наездницу. Копыта кобылы немного скользят на сырой земле, и Лейле приходится сосредоточиться — следить за тем, чтобы лошадь не споткнулась о корягу или о ствол поваленного дерева.

Когда все это остается позади, дыхание Лейлы выравнивается, и ее внутренняя потребность держать от всех оборону заметно притупляется. Шаг лошади становится легче, и они, слившись вместе в едином порыве, наконец воспаряют, удаляясь от вещей и людей, которые пытаются их удержать, приземлить и подчинить себе.

Лейла бросает взгляд на часы. Еще час до того, как ей нужно быть там, и при этой мысли ее охватывает сладкое волнение. У нее есть время, чтобы привести лошадь к опушке леса, а там она даст Руби волю, и та помчится дальше, по обширным полям, взрывая копытами мягкую почву. От галопа грудь девушки пронзает страх, ветер разъедает глаза до слез, струящихся по щекам, и тогда она на время забывает и о своем месте в этом мире, и о клетке, что становится для нее все более тесной и душной. Остается только движение, и ничего больше.

Уже затемно Руби возвращается на конный двор: без всадницы, в явной панике. Копыта кобылы нервно топчут землю, шерсть потемнела от пота, глаза бешено вращаются, изо рта брызжет пена, а тело сотрясается от дрожи. Выбежавшие из конюшни люди бросаются к ней.

Джим хватает повод, но Руби вырывается, пятится и испускает пронзительный крик от жуткой, нестерпимой боли. И только тогда все замечают на ее задней ноге глубокую рану: из подколенка сочится кровь. Вчетвером им удается загнать кобылу в конюшню, но в полночь принимают решение усыпить лошадь, потому что приблизиться к себе Руби никому не дает. Позже принимается и другое решение — прекратить поиски Лейлы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Западный Мидленд

Кэл

Свернув на окруженную полями грунтовку, ведущую к дому, Кэл останавливается. С этой точки открывается хороший обзор, и в дымчатых лучах заходящего солнца все предстает идиллическим, умиротворяющим. Свет в студии Элли не горит. Необычно. Она всегда там, расцветивает яркими мазками огромные полотна; ее лоб нахмурен, а разум всецело подчинен искусству, когда она готовится к очередной выставке или выполняет случайный корпоративный заказ. Элли такие заказы не в радость, и Кэл это знает, но в последнее время именно эти подработки жены позволяют им держаться на плаву.

Неохотно включив передачу, Кэл медленно подъезжает к дому с террасой в американском стиле, в который они оба влюбились с первого взгляда. Элли была уже на большом сроке беременности, носила под сердцем их дочь. И тогда этот дом показался обоим олицетворением их надежд и мечтаний.

Не успевает Кэл вылезти из машины, как из дома выскакивает Ракета: лабрадор виляет хвостом, льнет к нему всем телом, норовя лизнуть. Хоть кто-то рад его видеть! А в доме тишина, и она заставляет сердце Кэла сжаться — это чувство обреченности охватывает его всякий раз, когда по приезде домой он не видит или не слышит жену и дочь. За прошедшие шестнадцать лет его страхи свелись к обрывочным воспоминаниям из прошлого, но они возвращаются, и Кэл не знает, как избавиться от них.

— Элли? Кристина? — окликает он, следуя за собакой на кухню. И расслабляется, увидев жену за столом, пусть и не в лучшем расположении духа.

— Где ты был? Ты получил мои сообщения?

— Прости... — Он постоянно извиняется в последние дни. — Я был в библиотеке. Готовился к... завтрашнему дню. И поставил телефон на беззвучный режим.

По лицу Элли пробегает страх.

— Ты опять с ним встречаешься. — Ее голос дребезжит от недоверия.

— Я должен. — Поставив сумку, Кэл делает глубокий вдох и пытается сохранить над собой контроль. — Я не могу взять и все бросить. Попытайся понять меня, Эл.

Такой шанс журналисту выпадает порой раз в жизни. Но это нечто большее. Возможность понять. Он не должен останавливаться. И уже не может остановиться...

— Господи, Кэл! Я думала, ты послушал меня. — Щеки Элли розовеют, глаза наполняются слезами.

А Кэла поражает то, что он не ощущает ее страдания, словно наблюдая за ним на расстоянии. — С тех пор как стали приходить эти письма, ты сильно изменился. Меня это очень пугает.

Но это не просто письма. Это расследование, «кроличья нора», свободное падение в крошечную тьму. Элли привыкла быть его защитницей, но на этот раз она не поддерживает мужа. А в его мозгу засели сцены преступлений, в ушах звенят пронзительные крики, перед глазами то и дело возникают изувеченные тела. Они теперь с ним постоянно и требуют ответов.

— Потому что я пропустил открытие твоей галереи? Я же извинился. Мне правда жаль, что так вышло.

Глаза Элли темнеют от обиды.

— Дело не только в этом, Кэл. Ты изменился. Ты стал другим. Пожалуйста, не ходи, не встречайся с ним завтра. Довольно!

— Я должен пойти. И ты это знаешь. — Кэл отворачивается, обескураженный внезапной вспышкой раздражения. Вообще-то он мягкий, подчас даже кроткий; вспыльчивость никогда не была ему свойственна. Откуда она вдруг взялась? Или в нем действительно говорит другой человек? Слова Элли вывели его из себя. — Всего несколько встреч, и я с этим закончу.

— А если к тому времени будет... слишком поздно?

— Что? — Кэл, резко повернувшись, вглядывается в лицо Элли. — Ты ведь так не думаешь.

Голос Элли срывается, она прячет лицо:

— Я уже не знаю, что думать, Кэл. Ты на себя не похож. Ты даже не поинтересовался у меня, почему я пыталась связаться с тобой.

— Извини... Что случилось?

— Крисси... Она пропала по дороге из школы.

— Что? — Сердце в груди Кэла заходится бешеным стуком: в его мире исчезновение человека чревато ужасными последствиями.

— Все в порядке. В итоге она вернулась домой. Прошла пешком полпути... Она наверху, но не выходит из своей комнаты. Я просто...

В голосе жены сквозит нервное напряжение: их дочь никогда не была трудным ребенком, и никто не знает, как реагировать на перемены в ее поведении. В шестнадцать Крисси замкнулась в себе, и любые попытки выяснить, что за проблемы волнуют дочь, только усиливают ее скрытность. Девушка не желает делиться с родителями своими секретами.

— Она хоть что-нибудь сказала?

— Нет, — мотает головой Элли, а по ее щеке уже стекает слеза. Жена быстро отворачивается и украдкой смахивает ее, как будто больше не желает делиться с мужем своими переживаниями.

«Может, обнять ее?» — проносится в голове Кэла. Это ведь так просто. Но пропасть между ними заставляет его лишь спросить:

— Может, мне попробовать с ней поговорить?

Кэл не хочет ничего предпринимать без позволения Элли: он чувствует, что утратил право что-то решать, раз его не было рядом с женой, когда он был так нужен, необходим ей.

Элли вздыхает с печалью и безнадежностью, которые Кэл старается не замечать.

— Попробуй, — прикусывает она губу. — Только, мне кажется, о школе лучше не упоминать.

Направившись к лестнице, Кэл слышит, как за женой захлопывается задняя дверь. На мгновение Кэл замирает у подножия лестницы. Его глаза застилает чернота, в голове мерцают и гаснут образы. Кэл пугается: они появились из ниоткуда.

Немного успокоившись, он поднимается наверх и тихо стучит в дверь дочкиной спальни. Раньше из нее всегда доносились то музыка, то болтовня, то звуки видео из YouTube. А сегодня там гнетущая тишина. Может быть, ему все-таки удастся вытащить дочь из спальни и они проведут вечер вместе, займутся чем-нибудь, изгонят эту сгустившуюся вокруг них и в них темноту? Кэл всегда умел достучаться до дочери — у них была особая связь.

— Уходи, мама.

— Это не мама, это я.

Не дождавшись ответа, Кэл спрашивает:

— Можно мне войти? — и медленно поворачивает ручку. — Раз ты не говоришь мне «нет», я вхожу.

Кэл быстро входит в комнату, и у него мгновенно перехватывает дыхание: Крисси сидит на кровати, обхватив руками колени и обратив к нему бледное лицо, на котором читается вызов. Живая реинкарнация другой девушки.

До чего же дочь похожа на Марго! Потрясающе похожа. Кэлу остается лишь изумляться силе генетики,

когда он смотрит на волны рыжеватых волос, обрамляющие лицо дочери. И мысленно возвращается в прошлое — когда ему было всего девять лет и вскоре предстояло лишиться сестры.

Кэл устремляет грустный взгляд на стул у кровати. Раньше он всегда был свободным, «ждал папу» — Крисси нравилось, когда он, набросив на колени одеяло, теребил в руках ее любимую (на тот момент) мягкую игрушку. А теперь стул завален ворохом бумаг и скомканной одеждой.

— Я занята, пап.

— Дела есть всегда, а пообщаться?

Крисси только еще больше насупливается — ни намек на смягчение.

«Это неизбежно, — убеждает себя Кэл, садясь на кровать, хотя Кристи от него отворачивается (совсем как ее мать чуть ранее), — все дочери рано или поздно отдаляются от отцов. Это ничего не значит».

Он делает глубокий вдох и медленно выдыхает. Боится сказать что-то не то.

— Ты сегодня заставила поволноваться маму.

Не то...

Крисси фыркает:

— Маму, но не тебя. Потому что ты даже не отвечал на телефонные звонки и эсэмэски.

Кэл ощущает тягостное стеснение. Все это чересчур тяжело. Он не испытывал ничего подобного, с тех пор как пропала Марго. Еще миг — и его охватывает дикое желание закричать, встряхнуть дочь, пробиться к ней хотя бы так. И это пугает Кэла. Он не хочет уподобляться собственному отцу.

Кэл сдерживается и не кричит. Вместо этого он открывается дочери, чего не смог сделать в беседе с женой.

— Прости меня, — говорит он, — это из-за серии убийств, над которой я работаю. Они не выходят у меня из головы.

Некоторые жертвы были ровесниками Крисси. Схвачены по дороге в школу или домой, запуганы, замучены и брошены. Их образы отпечатались в его мозгу, как эпизоды из страшного фильма. Кадры узких запястий, связанных веревкой, от которой остаются следы на коже. Кэл сглатывает.

Крисси смотрит в окно, ее взгляд блуждает по багряным листьям бука, затеняющего боковой фасад дома. Несмотря на собственное состояние, Кэл понимает: с его дочерью не все в порядке.

— Что с тобой? Что происходит? Не в твоих привычках возвращаться из школы пешком.

Крисси резко поворачивает голову:

— Откуда тебе знать, что в моих привычках, а что нет? Ты меня не знаешь. Теперь уже совсем. — Кристи впивается в отца взглядом. В ее изумрудных глазах стоят слезы, которые девушка силится сдерживать.

Кэл пугается этого взгляда. У него такое чувство, будто он подвел свою дочь, обманул ее ожидания. Только вот какие — ему неизвестно.

— Я хочу помочь.

— Тогда оставь меня в покое, — отчеканивает в ответ Крисси и снова отворачивается, сосредотачивая взгляд на дереве, защищавшем ее с самого детства.

Кэл не знает, что делать дальше. Несколько секунд он сидит по инерции. А потом медленно встает и направляется к двери, ненавидя себя за растерянность, робость, вероятные, но еще не осознанные ошибки и надеясь, что дочь обернется и окликнет его, попросит остаться.

На пороге Кэл замирает и, раздираемый сомнениями, оглядывается назад. Эх, если бы кто-нибудь подсказал ему, что делать, как себя правильно вести! В памяти снова всплывает Марго: на десять лет старше него, яркая, никогда не унывающая, мудрая, замечательная! Она всегда была на его стороне. Кэл пытался убежать от боли, вызванной утратой сестры, но это оказалось невозможным. Боль только нарастает с годами, находит новые способы, как его одолеть. И сейчас, глядя на дочь, Кэл понимает: ему отчаянно недостает Марго. Была бы она сейчас рядом! Она бы все поняла...

Но... не исчезни тогда сестра, возможно, ничего этого вообще бы не было.